

УДК 81'373.2

НАИМЕНОВАНИЯ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

THE NAMES OF CONFECTIONARY IN THE LIGHT OF PRECEDENT

К. А. Власова

K. A. Vlasova

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Аннотация. Статья посвящена исследованию прецедентных феноменов в наименованиях кондитерских изделий. Приводится подробная классификация прецедентных феноменов, проводится анализ наименований кондитерских изделий, указываются сферы-источники прецедентных феноменов в этих наименованиях, мотивы их использования и роль в продвижении определенных кондитерских изделий. Особое внимание уделяется ценностному аспекту значений единиц, называющих кондитерские изделия, а именно конфеты, наборы конфет, шоколад. Делается вывод о том, что прецедентные феномены имеют много факторов, которые делают их привлекательными для использования в наименовании кондитерских изделий.

Abstract. The article analyzes the precedent phenomena in the names of confectionary. The author gives a detailed classification of precedent phenomena, analyses the names of confectionary pointing out the sources of precedent phenomena in the names of confectionary and to the motives of its use in creation of commercial nominations and the role of promotion of specific confectionary items. The author also pays particular attention to value aspect of the meaning of the names of confectionery, namely candy, sweets, chocolate. The conclusion that was drawn is that the precedent phenomena have many factors, which make them attractive for using them in the names of confectionary.

Ключевые слова: *наименование кондитерских изделий, прецедентный феномен, прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание, прецедентное имя, источник прецедентности, коммерческая номинация.*

Keywords: *name of confectionary, precedent phenomenon, precedent text, precedent situation, precedent statement, precedent name, precedent's source, commercial nomination.*

Актуальность исследуемой проблемы. Исследование понятия прецедентности – одно из перспективных направлений современной лингвистики. И несмотря на то, что данной теме посвящено немало работ, вопросы о выделении разновидностей прецедентных феноменов, их составе, функциях, выполняемых ими, остаются дискуссионными. Но в одном все исследователи сходятся: прецедентные феномены занимают важное место в современной коммуникации, они обильно представлены как в обыденном общении, так и в текстах СМИ и художественной литературы. Исключением не стали и наименования кондитерских изделий, которые также репрезентируют прецедентные единицы. Их изучению будет посвящено данное исследование, которое предпринимается впервые, в чем видится его актуальность и новизна.

Материал и методика исследований. Материалом проведенного исследования послужили более 1000 наименований кондитерских изделий, а именно конфет, наборов конфет, шоколада, производства фабрик России, Украины и Белоруссии, таких как «Красный Октябрь», «Рот Фронт», «Конти», «Славянка», «Коммунарка», «имени Н. К. Крупской», «Атаг», «Большевик», «СладКо» и др. Анализ осуществлялся методом сплошной выборки и количественной обработки полученных данных, кроме того, использовался описательно-сопоставительный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения и классификации.

Результаты исследований и их обсуждение. Понятие прецедентного текста, активно используемое многими исследователями, было введено еще в 1986 году Ю. Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы. По его определению, прецедентными называются тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, 216]. Исследователь пишет: «В самом общем смысле можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры» [4, 216]. К этому понятию ученый относит цитаты, имена персонажей, авторов, а также тексты невербальной природы.

Определение прецедентности, данное Ю. Н. Карауловым, настолько обширно, что не ограничивается только текстами художественной литературы, оно применимо и к произведениям архитектуры, живописи, музыки. Прецедентные единицы в тексте отражают специфику современного состояния общества: его ценности, мировосприятие, культуру. Прецедентные тексты выходят за рамки словесного искусства и становятся фактом культуры, составляют общекультурный фонд языка. Таким образом, можно говорить о том, что Ю. Н. Караулов воспринимает все элементы культуры как текст. Подобное понимание встречаем и у Ю. М. Лотмана: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в тексте”» [7, 121].

Продолжая теорию Ю. Н. Караулова, А. А. Евтюгина пишет, что «прецедентный текст является минимальным культурным знаком, выполняющим специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду» [3, 7].

Г. Г. Слышкин предлагает несколько шире понимать термин «прецедентный текст», предложенный Ю. Н. Карауловым. Исследователь пишет: «Речь идет о пункте относительно количества носителей прецедентных текстов. Во-первых, можно говорить о текстах, прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т. д.). Во-вторых, существуют тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестные предшественникам данной языковой личности, но и выходящие из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка» [8, 29].

Несколько иную трактовку понятия прецедентного текста дают Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева: «Это некоторые вербальные микро- и макроединицы плана / сценария,

указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане / сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопоставляющиеся с другими “заимствованными” и оригинальными признаками для создания “эстетической видимости” / “типологического образа”» [9, 104].

Новым этапом в исследовании понятия прецедентности стала теория, разработанная И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудковым и Д. В. Багаевой. В. В. Красных экстраполирует определение Ю. Н. Караулова на прецедентные феномены в целом и определяет их следующим образом: это феномены, «хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [6, 44–45].

Д. Б. Гудков определяет прецедентные феномены как единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого общества и регулярно актуализируются в речи» [2, 102].

Говоря о теории прецедентности, вслед за В. В. Красных мы считаем, что понятие прецедентного феномена гораздо шире и включает в себя понятия прецедентного текста, прецедентного высказывания, прецедентной ситуации, прецедентного имени и символа прецедентного феномена, которые представляется необходимым определить и разграничить.

На основе анализа сказанного выше в нашем понимании *прецедентный феномен* – феномен, хорошо известный членам определенного социума, входящий в совокупность всех знаний и представлений – когнитивное пространство коллектива, являющийся ее основным элементом. Прецедентные феномены могут быть как вербальными (прецедентное имя и прецедентное высказывание) или вербализуемыми (прецедентная ситуация и прецедентный текст), так и невербальными (музыкальные произведения, произведения архитектуры и скульптуры, живописи и др.).

В связи с тем, что «набор прецедентных текстов различен для разных членов социума» [10, 27], по широте охвата различают четыре типа прецедентных феноменов:

1) автопрецеденты – представляют индивидуальное отражение в сознании индивидуума событий и явлений окружающего мира, связанное с его особыми личностными представлениями и ассоциациями;

2) социумно-прецедентные – известные любому представителю определенного социума, входящие в коллективное когнитивное пространство, они могут не зависеть от национальной культуры;

3) национально-прецедентные – известные любому среднему представителю определенного национально-культурного сообщества и входящие в национальное когнитивное пространство;

4) универсально-прецедентные – известные любому носителю языка и входящие в универсальное когнитивное пространство.

С понятием прецедентного феномена связан термин *символ прецедентного феномена* – это «определенным образом оформленное, вербально или невербально выраженное указание на прецедентный феномен – прецедентный текст или прецедентную ситуацию» [5, 65]. В качестве символа прецедентного феномена могут выступать имена персонажей художественной литературы и реальных лиц, например, *Кот в сапогах* или *Мономах*.

Прецедентный текст – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; он хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества. Обращение к прецедентным текстам может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена» [6, 47–48]. Состав прецедентных текстов с течением времени может меняться: одни тексты теряют статус прецедентных, другие же, наоборот, приобретают его. Прецедентными текстами являются произведения художественной литературы, тексты песен, анекдотов, рекламные тексты, политические, публицистические тексты и т. д.

Прецедентная ситуация – «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означившим прецедентную ситуацию могут быть прецедентное высказывание, или прецедентное имя, или не прецедентный феномен» [6, 47]. Яркий пример прецедентной ситуации – ситуация предательства Иисуса Христа Иудой, которая воспринимается как своего рода эталон предательства вообще, а поцелуй Иуды, 30 сребреников выступают как символы прецедентной ситуации.

Прецедентное высказывание – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое; оно неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка» [6, 48–49]. Прецедентные высказывания могут быть тесно связанными с прецедентным текстом (например, *Белеет парус одинокий*), потерявшими связь с ним и ставшими автономными (например, *Счастливые часов не наблюдают*) либо же никогда не имевшими связи с прецедентным текстом или равными ему (пословицы). Прецедентными высказываниями являются цитаты из текстов различного характера.

Прецедентное имя – имя собственное, связанное или с широко известным текстом, как правило, прецедентным, или с прецедентной ситуацией, широко известной носителям языка, имя-символ, указывающее на эталонную совокупность определенных качеств человека. Это имена героев художественной литературы, имена реальных людей, некоторые названия.

Поскольку одна из основных функций прецедентных феноменов – воздействующая, они пользуются большой популярностью при наименовании кондитерских изделий, так как первый фактор, на который потенциальный покупатель обращает внимание при выборе товара, – это как раз название, которое должно выполнять эту функцию. Использованию прецедентных феноменов в наименованиях кондитерских изделий также способствует тот факт, что они обладают некоторой культурной значимостью. Кроме того, они выполняют и аттрактивную функцию – привлекают внимание, создают положительный имидж.

Обращение к сферам-источникам прецедентности является важным этапом исследования прецедентных единиц, так как именно знанием источников определяется уровень культуры как адресата, так и адресанта. В качестве источников прецедентности, используемых в наименованиях кондитерских изделий, можно выделить следующие:

- 1) фольклор;
- 2) художественные тексты;
- 3) тексты поп-дискурса: мультфильмы, тексты песен;

- 4) тексты-паремии (фразеологические единицы);
- 5) мифология;
- 6) фоновые знания из области культуры: названия балетов, имена художников, топонимы.

Диапазон прецедентных феноменов, используемых в наименованиях кондитерских изделий, не так уж широк: в основном это прецедентные имена и прецедентные тексты, которые выступают как вербальные феномены. Приведем несколько примеров наименований кондитерских изделий, образованных на основе использования прецедентных феноменов.

Самую многочисленную группу составляют прецедентные имена, в качестве которых выступают имена литературных персонажей. Среди них знакомые нам с детства имена героев народных сказок (как русских, так и зарубежных): *Аладдин*, *Гуси-лебеди*, *Молоко Жар-Птицы*, *Петушок – золотой гребешок*; имена героев и названия авторских сказок: *Дюймовочка*, *Кот в сапогах*, *Золотой ключик*, *Слепой Базилио*, *Три медведя*, *Красная Шапочка*, *Щелкунчик*.

Любопытно название конфет *Молоко Жар-Птицы*. Жар-Птица знакома нам по русским волшебным сказкам и сказке А. Н. Толстого «Жар-Птица». Согласно русской народной сказке, каждое перо этой птицы «так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч». Ее золотая окраска связана с тем, что обитает она в «тридесятом царстве», откуда приходит все, что окрашено в золото. Мифологи указывают, что сказочная птица олицетворяет огонь, свет, солнце. Кроме того, она символизирует возрождение, ведь каждую осень Жар-Птица умирает, а весной возрождается. Немаловажен и тот факт, что неотъемлемым атрибутом волшебной птицы являются молодильные яблоки. Все эти ассоциации, возникающие в сознании потенциального покупателя при упоминании Жар-Птицы, могут сыграть решающую роль в выборе конфет.

Среди птиц в названиях конфет – *Гуси-лебеди*, «прилетевшие» к нам из одноименной русской народной сказки, которая была пересказана А. Афанасьевым и А. Толстым, и герой русских волшебных сказок *Петушок – золотой гребешок*.

Среди сказочных персонажей в наименованиях конфет встречается и *Аладдин* – главный герой одной из старинных арабских сказок, входящих в собрание «1000 и одна ночь», рассказанных царю Шахрияру его женой Шехерезадой в течение тысячи и одной ночи. Но основой для наименования конфет, скорее всего, послужило имя главного героя одноименного мультфильма студии Дисней, так популярного в 90-х годах XX века. Именно он изображен на обертке шоколадных батончиков *Храбрый Аладдин*.

«Конфетной» стала и *Дюймовочка* – маленькая и красивая девочка, главная героиня одноименной авторской сказки датского сказочника и поэта Г. Х. Андерсена. Сюжет сказки не был заимствован автором «у народа», а был создан им лично. Пройдя долгий путь, познакомившись с Жабой, Майским Жуком, Полевой Мышью, Кротом, маленькая красавица наконец нашла свое счастье и стала королевой эльфов. Добрая история о поиске своего места в жизни, известная каждой девочке, несомненно, привлечет внимание к конфетам с таким названием.

Предприимчивый *Кот в сапогах* из одноименной сказки французского писателя XVII века Ш. Перро также появился на обертке конфет. Хитрый Кот, доставшийся в наследство младшему сыну мельника, помог юноше добиться всего, о чем тот только мог мечтать, и сделал его маркизом Карабасом.

Золотой ключик и Слепого Базилио нэймеры кондитерских изделий «открыли» в повести-сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», написанной по мотивам сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы». Иностранная сказка в обработке А. Толстого, вдохнувшего в сюжет дух авантюризма и веселья, так всем понравилась, что была переведена на 47 языков, по ней была создана пьеса и снят фильм, текст и сценарий которых были написаны Толстым, а также поставлены балет и спектакль в кукольном театре Сергея Образцова. Персонажи книги и их реплики устойчиво вошли в фонд русского языка, а Буратино стал культурным архетипом.

Меньшую по численному составу, но не менее значимую группу составляют имена героев художественной литературы, среди них *Гулливер* (тетралогия Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»), *Джульетта* (трагедия У. Шекспира «Ромео и Джульетта»), *Руслан и Людмила* (поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»), *Буревестник* («Песня о Буревестнике» М. Горького), *Чук и Гек* (рассказ А. Гайдара «Чук и Гек»).

Стоит отметить, что *Буревестник* был довольно популярен в советское время, о чем свидетельствует тот факт, что так были названы не только конфеты, но и кинотеатры, стадионы, спортивные команды, международный студенческий лагерь, советский автомобиль и даже теплоход. Данные наименования связывались с героем произведения М. Горького «Песня о Буревестнике».

Основой для названия конфет *Арлекин и Дама* стал Арлекин – веселый и наивный герой итальянской комедии дель арте, итальянского площадного народного театра, спектакли которого создавались в виде импровизаций с участием актеров в масках. Источником для наименования конфет могла послужить и повесть-сказка А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», где мы также встречаем Арлекина – куклу, играющую в театре Карабаса Барабаса вместе с Пьеро.

Источником прецедентности может являться и фразеология, и в этой связи достаточно интересно название конфет *Птичье молоко*. Выражение «птичье молоко», известное с древнейших времен, мы встречаем у многих авторов Античности, таких как Аристофан, Лукиан и др. Например, Страбон писал, что поэты, воспевающие плодородие острова Самос, говорили, что на нем есть все, в том числе и птичье молоко. Согласно легендам, для того, чтобы избавиться от надоедливых возлюбленных, девушки отправляли их на поиски этого необычного птичьего молока. Те отправлялись в дикие пустыни, где в одиночестве умирали от жажды. Кроме того, считалось, что тот, кто попробует этот редчайший напиток, станет совершенно неуязвимым как для болезней, так и оружия. С тех пор это словосочетание стало означать что-то невероятное, прежде невиданное или даже невозможное.

Знания исторического, географического, культурного характера, называемые фоновыми знаниями, как основа национально-культурного уровня владения языком также становятся источником прецедентности в наименованиях кондитерских изделий. Среди них названия балетов – *Жизель*, *Красный мак*, имена известных людей – *Моне* (Клод Моне – французский живописец-пейзажист, один из основателей импрессионизма), *Мономах* (Владимир Всеволодович Мономах – великий киевский князь, представитель знатного византийского рода Мономахов), *Обыкновенный Спартак* (Спартак – воин из Фракии, возглавивший восстание рабов и гладиаторов в Риме), топонимы – *Артек* (Артек – международный детский лагерь в Крыму) и другие.

В некоторых названиях конфет нашла отражение мифология. Например, *Прометей* «пришел» в конфеты из древнегреческой мифологии, согласно которой он является одним из титанов, защитником людей от произвола богов, он сотворил из глины первого человека и подарил человечеству огонь, за что был наказан богами – прикован к скале, и в течение многих веков орел прилетал к нему и клевал его печень. Огонь, подаренный людям Прометеем, воспринимается не только как природный элемент, но и как источник знания. Древнеримская мифология также внесла свой вклад в названия конфет – *Царство Нептуна*. Нептун – один из древнейших римских богов, повелитель морей и потоков. «Морским» является не только название конфет, но и их форма – они выполнены в виде разных ракушек и морских коньков.

Источником прецедентности могут являться и мультфильмы. Среди названий кондитерских изделий этой группы – *Умка, Маша и медведь, Аладдин* и др.

Источники некоторых прецедентных единиц со временем начинают восприниматься опосредованно. Так, в ходе анализа наименований кондитерских изделий мы столкнулись с такими прецедентными единицами, при определении источников которых появилась некая вариативность. Например, *Аладдин* отсылается не только к сказкам, но и к мультфильму, а *Арлекин и Дама* – к народной комедии и повести-сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

Возвращаясь к классификации прецедентных феноменов по характеру прецедентности (или степени известности), стоит отметить, что в наименованиях кондитерских изделий встречаются только национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены, причем количественно обе группы представлены примерно одинаково.

Наименования кондитерских изделий как элементы коммерческой номинации становятся ценностью общечеловеческой культуры, и, анализируя их с точки зрения лингвокультурологии, можно выявить некоторые аксиологические принципы. Воспринимая название кондитерского изделия, человек оценивает полученную информацию, что подразумевает ценностный аспект значений языковых выражений, использованных при назывании товара. Учитывая это, адресант (нэймер товара) зачастую в процессе номинации товара закладывает для адресата (потенциального покупателя) оценку, которая может выражаться рядом языковых способов, например, именами прилагательными. Так, часто в наименованиях кондитерских изделий эксплицитно или имплицитно присутствует прилагательное *золотой* (*Молоко Жар-Птицы, Петушок – золотой гребешок, Золотой ключик*). Золотой цвет соотносится с природно-вещным кодом культуры – совокупностью существующих в природе веществ и предметов, которые в дополнение к своим природным свойствам несут смыслы, функционально значимые для культуры. Во многих культурах золото связывается с солнечной энергией, огнем и с солнцем как источником жизни, тепла и света. В представлениях русского народа золото символически ассоциируется с долговечностью, богатством, изобилием и удачливостью, здоровьем и крепостью, красотой и чистотой. В совокупности всех признаков и свойств золото предстает как нечто самое лучшее и сверхценное [1, 244].

Резюме. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что привлекательность прецедентных феноменов для нэймеров кондитерских изделий – в их полифункциональности. Во-первых, в них заложена возможность переосмысления и наложения нового смысла. Во-вторых, немаловажную роль играет их широкая узнаваемость: отражая в человеческом сознании некие духовные и материальные объекты, они служат своего рода ориентирами для представителей того или иного этноса. Использо-

ние прецедентных феноменов предполагает обращение к культурным фоновым знаниям, благодаря которым они становятся узнаваемыми. В этом заключается их образовательная направленность – названия кондитерских изделий, содержащие в себе прецедентные феномены, становятся стимулом к новым знаниям. Прецедентные феномены – «богатая почва» для продвижения товара, так как формы прецедентности хранятся в сознании человека в свернутом виде, в виде концепта, который при необходимости может развернуться и рассказать о названии, авторе, сюжете, наиболее ярких деталях и других чертах прецедентного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой фразеологический словарь русского языка* / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.
2. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
3. *Евтюгина А. А.* Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 1995. – 18 с.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 2007. – 261 с.
5. *Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
6. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
7. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. – М. : Гнозис ; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
8. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М. : Academia, 2000. – 141 с.
9. *Сорокин Ю. А., Михалева И. М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 98–117.
10. *Супрун А. Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.